

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

Экспрессивно-стилистический потенциал грамматических категорий глагола

^{1, 2} Довлеткиреева Л.М.,

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,

² Академия наук Чеченской Республики

Аннотация: в статье рассматривается экспрессивно-стилистический потенциал глагола, заключающийся в его специфических грамматических категориях вида, залога, наклонения и времени. Автор рассматривает, каким образом данные категории способны придать выразительность тексту различной функционально-стилистической направленности: публицистическому, научному, художественному, канцелярскому. Отмечается, что выразительный потенциал этой части речи заключается не столько в его семантической составляющей, сколько в грамматических особенностях, связанных с выражением реальности-ирреальности (наклонение), аспектуальности (вид), темпоральности (время), субъективности и объективности (залог). Также обращается внимание на то, что глагол играет особую роль в идиостиле таких писателей, как Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский. Подчеркивается, что глагол обладает повышенной возможностью метафоризации.

Ключевые слова: глагол, вид, залог, наклонение, время, экспрессивность, стиль

Для цитирования: Довлеткиреева Л.М. Экспрессивно-стилистический потенциал грамматических категорий глагола // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Expressive and stylistic potential of grammatical categories of the verb

^{1, 2} Dovletkireeva L.M.,

¹ Kadyrov Chechen State University,

² Academy of Science of Chechen Republic

Abstract: the article examines the expressive and stylistic potential of the verb, which consists in its specific grammatical categories of type, voice, mood and tense. The author examines how these categories are able to give expressiveness to a text of various functional and stylistic orientation: journalistic, scientific, artistic, clerical. It is noted that the expressive potential of this part of speech lies not so much in its semantic component as in the grammatical features associated with the expression of reality – unreality (mood), aspectuality (type), temporality (time), subjectivity and objectivity (pledge). Attention is also drawn to the fact that the verb plays a special role in the idiosyncrasy of such writers as Leo Nikolaevich Tolstoy, Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. It is emphasized that the verb has an increased possibility of metaphorization.

Keywords: verb, type, voice, mood, tense, expressiveness, style

For citation: Dovletkireeva L.M. Expressive and stylistic potential of grammatical categories of the verb. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 57 – 62.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Особое место в системе частей речи русского языка в силу специфики грамматических категорий и грамматического значения занимает глагол. Значимость глагола подчеркивал и академик В.В. Виноградов, отмечая, что в речи все должно «глаголить» [1, с. 125], А.С. Пешковский подчеркивал, что «в глаголе течет живая артериальная кровь языка» [2, с. 89].

Глагол обозначает действие как процесс и выражает это значение в грамматических категориях вида, залога, наклонения, лица, числа и времени, одни из них связаны с персональностью, другие с темпоральностью, третьи с аспектуальностью. Это многообразие отношений глагольных категорий к реальности позволяет использовать глаголы и в прямом, и в переносном смысле в многообразных проявлениях значений в текстах различной направленности.

Глагол и за счет своей семантики, и за счет своеобразия грамматических категорий обладает большим запасом экспрессивной энергии, которую авторы активно используют в публицистике и художественном стиле.

Актуальность нашего исследования определяется интересом современных ученых не к грамматической стороне языковых единиц, а к их функциональному употреблению, поэтому популярными становятся исследования языка во взаимосвязи с текстологией и стилистикой.

В нашей работе мы ставим перед собой цель проанализировать, каким образом грамматические категории глагола способны выражать экспрессивно-выразительные значения в текстах различной функциональной направленности.

Материалы и методы исследований

Глагол всегда выделялся знатоками слова как часть речи, отличающаяся особой сложностью и в то же время обладающая мощным стилистическим потенциалом. На это обращают внимание и представители академической грамматической школы, и ведущие специалисты по стилистике.

Изучению стилистического использования глагола посвящены труды отечественных грамматистов и стилистов: В.В. Виноградова [1], Г.О. Винокура [3], Н.К. Гарбовского [4], И.Б. Голуб [5], Н.И. Греча [6], С.П. Обнорского [7], Д.Э. Розенталя [5], А.А. Пешковского [2] и др.

Выдающийся лингвист А.А. Пешковский отмечал, что глагол пригоден для олицетворения неодушевленных предметов более, чем любая другая часть речи [2].

На эту же особенность указывал и известный лингвист Ефимов А.И., он обратил внимание на

то, что очень часто для одушевления пейзажа или характеристики человека используются в переносном метафорическом значении глаголы, относящиеся к животному миру типа «реветь, лаять, ржать, выть», а также различные глаголы движения. Причем это характерно не только для глаголов в художественных текстах, но и для употребления их в разговорно-просторечных высказываниях, что придает им эмоциональность и своеобразный колорит [8, с. 184-186].

Методологической основой исследования стали приемы лингвистического анализа художественного текста, метод сплошной выборки, синтез, сопоставительный и стилистический анализ.

Результаты и обсуждения

Глагол позволяет описать действительность в развитии, динамике, ритме, движении. Поэтому писатели обращают особое внимание на эту особенность глагола, широко используя экспрессивный потенциал этой части речи в художественных текстах. Например, Лев Толстой считал, что «глагол придает движение фразе», поэтому очень важно найти именно верный, нужный, подходящий глагол [9]. Люди и события будут представлены живо, наглядно, в действии. Лев Николаевич в своем идиостиле тяготел именно к «глагольному повествованию», мастером которого он и был, по общему призыванию. Он говорил, что именно глагол помогает ему передать психологию персонажа, охарактеризовать его как личность. При этом он отмечал, что глагол он использует, чтобы передать характерный жест, и если вдруг этого оказывается недостаточно, то тогда он ищет какую-то деталь, например, описывает руку или глаза, может быть, волосы, но опять же с помощью глагола. Таким образом, второй глагол усиливает то впечатление, которое создано первым, описывающим жест [9].

Писатели стремятся найти один глагол, назовем его ключевым, который одновременно передаст несколько действий – реакцию героя на реплику, событие, особенно когда пишутся диалоги. Мастера речи редко используют глаголы коммуникации, то есть говорения: сказал, ответил, спросил, проронил, проговорил и пр. Они находят такие глаголы, которые будут указывать на адресанта речи, но в то же время передавать эмоции, чувства, переживания, реакцию, впечатления героя.

Классический пример из «Преступления и наказания»: «Как!» – вспыхнула Дуня; По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? – протянул ему руку Ставрогин. – Нисколько, – воротился Кириллов, чтобы пожать руку [10, с. 137]. Этот прием называется компрессией, потому что в одном глаголе «вспыхнула» содержится три смысла: сказала

Дуня, но прежде она засмущалась, покраснела. То есть два состояния и одно действие переданы посредством одного глагола. Круг метафоризируемых глаголов достаточно широк и все больше увеличивается за счет своеобразия индивидуально-образного авторского мышления.

Глагольные сочетания в художественном стиле речи преобладают над именными, также они преобладают в разговорной речи и в некоторых жанрах публицистического стиля, так как это придает высказыванию живость. Именные же сочетания, напротив, обедняют речь, делают ее менее выразительной, по-канцелярски скучной, сухой.

Динамизм фразе придают и отглагольные существительные. Этот прием использовал, например, А.С. Пушкин, описывая Полтавскую битву: «Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть и ад со всех сторон» [11, с. 157]. Намеренный пропуск глагола в эллиптическом предложении также способен придать изображаемой картине динамизм и стремительность. Например, о сне Татьяны в «Евгении Онегине» автор пишет: «Татьяна – в лес, медведь – за нею», пропуская глаголы движения, которые здесь уместны, например, «побежать, мчаться, броситься».

То есть можно сделать вывод о том, что не только глагол способен придать речи динамизм, есть и другие средства и способы. К тому же, необходимо учитывать и тот факт, что не все глагольные лексемы семантически могут позволить себе решать указанные задачи. Не все глаголы передают действия, большая группа представителей этой части речи обозначает состояние – физическое, психическое, эмоциональное и пр.

Выразительный потенциал этой части речи заключается не столько в его семантической составляющей, сколько в грамматических особенностях. Выражение действия как процесса передается в специфических глагольных категориях вида, времени, залога и наклонения. Именно стилистические возможности указанных морфологических категорий позволяют использовать глагол в соответствии с указанными творческими целями и задачами для выражения действия как процесса. Названные грамматические категории связывают действие с реальностью: так, вид указывает на актуальность, то есть на то, достигло ли действие своего результата или находится в процессе, время связывает действие с моментом речи – это темпоральная категория, лицо указывает на участие персоны в речи, залог выражает отношения субъектности и объектности.

Вид и время обладают большими экспрессивными возможностями, особенно в разговорной

речи. Глаголы совершенного вида указывают на некий итог, точку, достижение результата в настоящем, прошедшем или будущем временах. Глаголы несовершенного вида указывают на процесс, поэтому, в отличие от совершенного вида, сочетаются с фазовыми глаголами.

Формы настоящего времени употребляются во всех стилях речи, но по-разному. Например, в научном стиле не используется настоящее историческое, зато часты обороты с настоящим предпологающим: допустим... предположим... существует... Часто применяется расширенное настоящее: в последнее время применяется... в последние годы используется... разрабатывается... Будущее время применимо в различных теоремах или задачах: проведем перпендикулярную прямую...

В канцелярском стиле часто используется настоящее долженствования в различных нормативно-правовых актах: данные меры позволят выявить... решить... заявить...

В различных жанрах публицистики, помимо обычной формы настоящего времени, используется настоящее историческое, что и позволяет придать экспрессивность тексту. Формы прошедшего и будущего времен используются в материалах, связанных с хроникой событий. Репортажи в настоящем времени помогают живо передать события, при этом используется все многообразие видовых форм.

В художественном стиле речи категория времени используется в зависимости от типа текста. Например, при описании предпочтительны формы прошедшего времени, для повествования больше подходят формы настоящего времени. Художественное время не совпадает с реальным временем, поэтому в прозе часто используются настоящее историческое, которое позволяет говорить о прошедшем как о настоящем, то есть как бы сокращает дистанцию между читателем и изображаемым. В контексте будущего может использоваться прошедшее время, то есть допустимы различные вариации переносного употребления временных форм. Так, прошедшее время может употребляться вместо будущего и настоящего в диалогах.

В пространстве художественного текста более свободно проявляют себя категории залога и лица глагола. Это связано с тем, что обе категории ориентированы на личностное начало, в отличие от обезличенного канцелярского (официально-делового) стиля или научного, в котором у лица «ущербная» (неполная) парадигма, так как в этом стиле не представлены формы второго лица единственного числа (ты) и редким является словоупотребление во втором лице множественного числа

(на вы), распространенным же является использование авторского первого лица множественного числа «мы», что соответствует этике научного сообщества.

Также со стилистическим употреблением глагола связаны понятия «недостаточные» и «изобилующие» глаголы. К первым относят глагольные лексемы, не обладающие полной парадигмой, обычно отсутствует форма первого лица, которая не образуется по фонетическим причинам из-за так называемого неблагозвучия: в частности, не образуются победу – от победить, тузю – от тузить, бузю – от бузить и т.д. В этих случаях используются описательные конструкции: могу, хочу с добавлением инфинитива: могу победить, например. Также данная форма может отсутствовать по причине того, что действие, обозначаемое глаголом, не может быть по своей семантике отнесено к лицу – ржаветь, колоситься...

Изобилующие глаголы противопоставлены недостаточным тем, что их парадигма не просто полная, но и располагает дополнительными стилистическими вариантами: колыхается – колышется, брызгает – брызжет, двигает – движет. В первой паре мы наблюдаем функционально-стилистическую разницу: слово «колышет» является книжным по употреблению, а «колыхает» – разговорным. В последних двух примерах имеется отличие в лексическом значении и сочетаемости: двигает употребляется в значении «перемещает», двигает стол, например, а движет – в значении «побуждает», например, им движет непомерное самолюбие. Брызгает на цветы, то есть «окропляет» и струи фонтана брызжут, то есть разбрасывают каплями воду.

В разговорной речи проявляется наибольшее многообразие форм вида. Это, конечно, объясняется экстралингвистическими причинами и факторами. Причем в разговорной речи и в художественной прозе распределение видовых форм СВ и НСВ происходит равномерно, поскольку элементом художественного текста является диалог героев, который носит разговорно-бытовой характер. В публицистическом стиле также представлено разнообразие видовых форм, так как жизнь с ее реальными событиями отражается в нем в динамическом развитии, поэтому текст находится под определенным влиянием разговорной и даже художественной речи.

Большей экспрессией и выразительностью обладают глаголы СВ. В видовой корреляции глагол СВ выступает как сильный член пары, поэтому если его значение меняется, то это сразу же привлекает к нему внимание. Например, если речь идет о повторяющемся действии, то у автора появляется

возможность передать обобщенное (типичное) значение посредством единичного.

Глаголы же НСВ используются с целью указать на действие, которое обычно характерно для СВ, то есть фактическое: Скорее бы все это кончилось!

Образность, связанная с нестандартным употреблением видовых форм в художественной речи, увеличивается также за счет нейтрализации противопоставленности по виду. Это происходит тогда, когда глагол получает функции СВ в таких временных формах, которые обычно исключают саму возможность использования СВ. Так, к примеру, в настоящем историческом или когда настоящее используется в функции будущего или прошедшего, глаголы НСВ выступают в роли глаголов СВ: Приезжаю я вчера и сразу же узнаю, что Марию Федоровну замуж за Павла Алексеевича прочат. Глаголы НСВ в этом случае обозначают единичный и вполне конкретный факт, а не обобщенное действие.

Подобная нейтрализация значительно увеличивает выразительные возможности глаголов НСВ. Например, они могут выступать в функции единичного действия, которое произошло после длительного действия. Например: Вдруг Акулина говорит. Грамматическая сочетаемость тоже меняется. Появляется возможность, характерная для разговорной речи, сочетаться с наречиями смены событий: вдруг, неожиданно-негаданно, нечаянно, неожиданно.

Наклонение также обладает большими стилистическими перспективами, поскольку имеет большие синонимические ресурсы и яркую выразительность глагольных единиц в разных стилистических формах.

Формы глагола в изъявительном наклонении более распространены хотя бы по той причине, что они связаны со стилистическим разнообразием временных конструкций русского языка. Напомним, что только глаголы изъявительного наклонения имеют категорию времени.

Возникновению различных оттенков экспрессии способствует использование грамматических средств для передачи значения наклонения. Например, в разговорной стилистике с этой целью применяют постфикс –ка: Взгляни-ка на это! Он позволяет смягчить приказную форму высказывания. К тому же постфикс –ка способен придать повелительному наклонению не свойственное для него значение темпоральности, ведь он приближает обозначенное действие к моменту высказывания: Дай-ка, спроси-ка, вернись-ка, сделай-ка, помолчи-ка. Для придания разговорности еще одним грамматическим средством в повелительном наклонении является частица –пускай: пускай все

подумают и узнают, пускай будет так, пускай поет. Частица «пусть» хоть и имеет то же синонимичное значение, но стилистически отличается от «пускай», поскольку придает торжественное звучание высказыванию и потому используется в лозунгах, воззваниях, восклицаниях: «Пусть сильнее грянет буря!», «Пусть навеки воссияет знамя мира и свободы!».

К грамматическим средствам формирования экспрессивности повелительного наклонения относятся и частицы «да» и «же». Их обычно присоединяют к СВ глагола в повелительном наклонении, в результате возникает оттенок настойчивости: Говори же! Да не спеши же! Думай же! Да отстань же!

В формировании глагольной экспрессии участвуют и неспрягаемые формы глагола: инфинитив, причастие и деепричастие.

Мы уже отмечали, что об экспрессивности глагола говорили многие ученые и писатели. По мнению Н.И. Греча, глагол обладает животворящей миссией [6, с.27]. Семантические, морфологические и синтаксические возможности глагола позволяют этой части речи быть огромным источником эмоций и выразительности.

В первую очередь, глагол используется в художественной речи для того чтобы показать движение, но необязательно в прямом смысле – это динамика и внутреннего мира в том числе, и окружающей среды. Для этой цели глагол активно используется в описаниях. Также глагол служит для того, чтобы конкретизировать художественное описание или повествование, причем сделать это метафорично, образно.

Выводы

Таким образом, экспрессивность глагола заключена не столько в его семантической природе, сколько в грамматической. Ведь глагольность действия как процесс представлена в специфических категориях лица, наклонения, залога, времени, что позволяет именно «изображать» действие.

Каждый глагол и даже отдельные его категории по-разному проявляют себя в различных функциональных стилях речи. Так, в канцелярском стиле – сухом и шаблонном, в котором главное – это констатация или описание фактов – глаголу отводится минимальная роль, частотность глагола в этом стиле сводится к шестидесяти словам на тысячу лексем, здесь преимущественно используются отглагольные существительные. Глаголы же в основном имеют семантику долженствования (следует осуществить, вменяется в обязанности, обязуется выполнить, обязаны воспитывать и пр.) или отвлеченности со значением наличия (является нарушением, имеется в наличии, иметь право).

В научном стиле речи частотность возрастает и сводится к девяти на тысячу и в несколько раз увеличивается средняя частотность употребления этой части речи в художественном стиле – сто пятьдесят один глагол на тысячу слов. Научному стилю речи тоже соответствует именной характер, так как события сводятся к минимуму, но в то же время дается характеристика закономерностей тех или иных процессов, за счет этого и увеличивается количество глаголов по сравнению с канцелярским письмом. Также за счет абстрагирования, характерной для этого стиля.

Публицистический стиль, как и художественный, тяготеет к выразительности, поэтому глагольность является одной из его определяющих характеристик. Кроме того, в различных жанрах, например, в репортажах, других новостных жанрах присутствует повествовательный тип текста, ориентированный на событийность. Отсутствие глагольности стандартизирует текст, что не поощряется в публицистике, так как приближает материал к деловому письму. Также в этом стиле речи значительно больше возможностей для применения всевозможных лексико-семантических глагольных групп. Безусловно, все зависит от жанра и тематики конкретного материала, так как автор должен находиться в этих рамках, что ограничивает его выбор слов.

Глагольность в художественном стиле с позиции морфологической стилистической черты является параметральным признаком. Это обеспечивается образностью и повествовательностью художественного произведения.

Спецификой глагола как части речи и источником его в художественном тексте является стилистическое употребление его морфологических синтаксических категорий. Взаимосвязь же их с семантической природой глагола создает огромные, неисчерпаемые возможности сюжетостроения при описании и повествовании и передачи различных смыслов, в том числе и тончайших движений человеческой души. Действие изображается за счет этих двух факторов полно и точно, достоверно и выразительно. Художественный и публицистический стиль позволяют наиболее мощно использовать экспрессивный потенциал рассматриваемой части речи.

В художественном письме писатели используют различные семантические глагольные группы, вне конкретного контекста они нейтральны, но в то же время они очевидно неуместны в других стилях речи, помимо художественного, так как они призваны называть детализированно конкретные действия. Например, крадется, мечется, зашагал, подпрыгнул, поперхнулся и другие. Глаголы

детализации действия составляют около семидесяти процентов всех глаголов в художественном тексте. Показывая своего персонажа посредством совершаемых им действий, автор не только пере-

дает сюжет, но и погружает нас в психологию его поступков, вскрывая читателю его истинные чувства и желания, его сущность.

Список источников

1. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1985. 457 с.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е, совершенно переработанное, издание. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. 579 с.
3. Винокур Г. О. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Винокур Г.О. Избранные труды по русскому языку. М., 2019. 784 с.
4. Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. М., 2022. 142 с.
5. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика. Как мы говорим. А как мы пишем! М., 2021. 304 с.
6. Греч Н. Чтения о русском языке. В 2 ч. Ч. 1-2. СПб.: В Тип. Н. Греча, 1840. Ч. 1. С. 292.
7. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 2009. 248 с.
8. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969. 260 с.
9. Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 212.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2002. 456 с.
11. Пушкин А.С. Стихотворения и поэмы. СПб, 2015. 516 с.

References

1. Vinogradov V.V. The Language of Pushkin: Pushkin and the History of the Russian Literary Language. Moscow; Leningrad: Academia, 1985. 457 p.
2. Peshkovsky A.M. Russian Syntax in Scientific Interpretation. 3rd, completely revised edition. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1928. 579 p.
3. Vinokur G.O. Verb or Name? An Experience of Stylistic Interpretation. Vinokur G.O. Selected Works on the Russian Language. Moscow, 2019. 784 p.
4. Garbovsky N.K. Comparative Stylistics of Professional Speech: Based on the Russian and French Languages. Moscow, 2022. 142 p.
5. Golub I.B., Rosenthal D.E. Entertaining Stylistics. How We Talk. And how we write! M., 2021. 304 p.
6. Grech N. Readings about the Russian language. At 2 p.m. Parts 1-2. SPb.: V Type. N. Grecha, 1840. Ch. 1. P. 292.
7. Obnorsky S.P. Essays on the morphology of the Russian verb. M., 2009. 248 p.
8. Efimov A.I. Stylistics of the Russian language. M., 1969. 260 p.
9. Tolstoy A. N. Collection. cit.: in 10 volumes. M., 1961. T. 10. P. 212.
10. Dostoevsky F.M. Crime and punishment. M., 2002. 456 p.
11. Pushkin A.S. Poems and poems. St. Petersburg, 2015. 516 p.

Информация об авторе

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8299-5651>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченский Республики, e-mail: dlida@inbox.ru

© Довлеткиреева Л.М., 2025